

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-292-317>
<https://elibrary.ru/HFCKAE>
УДК 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Артем КУЛАГИН

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ И СОВЕТСКИЙ НЕОАВАНГАРД: ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ВЗАИМНАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Аннотация: В первой части статьи проведен краткий обзор советской критики применительно к англоязычному литературному неоавангарду с 60-х гг. до распада СССР, прежде всего статей в сборнике ИМЛИ «Неоавангардистские движения в зарубежной литературе 1950–60 гг.». Также проанализированы причины, из-за которых неоавангардная поэзия не переводилась и не рецензировалась в советское время. Отдельно в статье рассказано о имевшихся литературных связях между поэтами неоавангардистами США и СССР, а также об обратной рецепции советской поэзии и жизни в СССР, зафиксированной американскими поэтами во время поездок по советскому союзу, в частности, книге-травелогу «Ленинград». Уделено внимание современному переосмыслению советско-американских литературных контактов, обзору вышедшей и готовящейся к выпуску тематической литературы. Вторая часть статьи посвящена англоязычной рецепции советских литературных неоавангардных движений. Выполнен обзор изданий советской неоавангардной поэзии в англоязычных странах: двуязычных антологий Д. Риви, О. Карлайл, С. Масси и П. Франса, альманаха «Аполлон-77» и антологии «У Голубой лагуны», сборников стихотворений В. Уфлянда и Г. Айги. Отдельно освещена деятельность и составителей антологий, как частных лиц, так и издательств, таких как «Ардис». Приведены критические отзывы, мнения составителей и переводчиков о ключевых направлениях и персоналиях, упомянуты контакты и случаи творческого взаимодействия между авторами, например, между Г. Айги и Э. Морганом. На основе изученных фактов подводится итог процессов рецепции и делается вывод о современном понимании места неоавангардной поэзии в истории СССР.

Ключевые слова: англо-американские поэты, советские поэты, рецепция, неоавангард, «Ленинград / Американские писатели в Советском Союзе», альманах «Аполлон-77», антология «У Голубой лагуны», Лин Хеджиня, Аркадий Драгомощенко, Геннадий Айги.

Информация об авторе: Артем Сергеевич Кулагин, аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-5773-6851>. E-mail: kmeet@outlook.com.

Для цитирования: Кулагин А.С. Англоязычный и советский неоавангард: литературные контакты и взаимная рецепция // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 292–317. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-292-317>

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00764 «Западный неоавангард 1950–1970-х гг. в советской науке и критике», <https://rscf.ru/project/23-28-00764/>

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-292-317><https://elibrary.ru/HFCKAE>

UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Artem KULAGIN

ANGLO-AMERICAN AND SOVIET NEO-AVANT-GARDE: LITERARY CONNECTIONS AND MUTUAL RECEPTION

Abstract: The first part of the article provides a brief overview of Soviet criticism in relation to the Anglo-American literary neo-avant-garde from the 1960s until the end of the USSR, first of all, articles collected in a book “Neo-Avant-garde movements in foreign literature 1950-60” published by IWL RAS. Also, the reasons why the neo-avant-garde poetry was not translated and not reviewed in the Soviet period are analyzed. Separately, the article describes the existing literary connections between the neo-avant-garde poets of the USA and the USSR, as well as the reverse reception of Soviet poetry and life in the USSR, recorded by American poets during trips to the Soviet Union, in particular, the travelogue book “Leningrad”. Attention is paid to the modern reinterpretation of Soviet-American literary contacts, a review of published and upcoming thematic literature. The second part of the article is devoted to the reception of Soviet literary neo-avant-garde movements by their English-speaking counterparts. The review of publications of Soviet neo-avant-garde poetry in English-speaking countries is carried out: bilingual anthologies by G. Reavy, O. Carlisle, S. Massie and P. France, the almanach “Apollo-77” and “The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry”, collections of poems by V. Ufliand and G. Aygi. The activities of anthology compilers, both individuals and publishers, such as “Ardis press”, are also highlighted separately. The critical reviews, opinions of the compilers and translators on key areas and personalities, contacts and cases of creative interaction between the authors, for example, between G. Aygi and E. Morgan, are mentioned. On the base of these facts a summary of the processes of reception is made and a conclusion on the role of neo-avant-garde poetry in the history of the USSR is carried out.

Keywords: Anglo-American poets, Soviet poets, reception, neo-avant-garde, *Leningrad / American Writers in the Soviet Union, Apollo-77, The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry*; Lyn Hejinian, Arcady Dragomoshchenko, Gennadiy Aygi.

Information about the author: Artem S. Kulagin, PhD Candidate, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-5773-6851>. E-mail: kmeet@outlook.com.

For citation: Kulagin, Artem. “Anglo-American and Soviet Neo-avant-garde: Literary Connections and Mutual Reception.” *Literature of the Americas*, no. 17 (2024): 292–317. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-292-317>

Acknowledgements: The article was written at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00764 “Western Neo-Avant-Garde of the 1950s–1970s in Soviet Science and Criticism” (<https://rscf.ru/project/23-28-00764/>)

В истории литературоведения неизбежно появляются ситуации, в которых литературные течения и произведения отдельных авторов, в обычных условиях получившие бы со стороны литературоведческого сообщества различные критические оценки и вызвавшие жаркие дискуссии, оказываются обойденными критиками в силу идеологических, культурных и политических различий и разногласий между обществами и государствами участников литературного процесса. Примером этого является и рецепция англоязычного неоавангарда в СССР.

Следует пояснить, какие именно движения и школы в статье предполагается относить к англоязычному литературному неоавангарду — послевоенному явлению, новой волне авангарда, в корне отличающейся от старой, довоенной [Маньковская 2005: 75]. Как и авангард начала века, неоавангард стремился к новаторству, но утратил идею преобразования мира силами искусства, оставил попытки «снять автономию искусства», отказался от широкой адресации своего творчества («самиздатские» журналы были ориентированы на нужды неофициальных писателей, а не на читательскую аудиторию). К неоавангарду в изобразительном искусстве относят такие движения, как абстрактный экспрессионизм, поп-арт, новый реализм и флюксус, а также акционизм. В литературе англоязычный неоавангард прежде всего представлен двумя направлениями — **конкретной поэзией** и **языковым письмом** [Павловец 2023: 12]. Несмотря на то что исследователи включают в число неоавангардных и менее радикальные в своем новаторстве литературные группировки, Нью-Йоркскую школу и группу Блэк-Маунтин, однако последние, если и укладываются во временные рамки неоавангарда, то не отказываются от нарративности, не порывают полностью со своими предшественниками — модернизмом и историческим авангардом, сохраняют взаимосвязи и с битниками. Нью-Йоркскую школу и группу Блэк-Маунтин логичнее отнести к поздней волне авангарда, переходной, по отношению к неоавангардным движениям (признано их влияние на языковых поэтов), хотя вопрос принадлежности и остается дискуссионным. Необходимо отметить, что коллаж относится к числу авангардных техник, а значит — круг англоязычных авторов конкретной поэзии логично расширить и на так называемую «найденную поэзию», и на «поэзию стирания» (erasure poetry), считающуюся частью «найденной». И все же, какого бы мнения относительно принадлежности различных ан-

англоязычных литературных групп мы ни придерживались, история их рецепции в литературоведении СССР весьма скудна.

Разумеется, главной причиной недооцененности англоязычного неоавангарда в советском литературоведении были идеологические причины и тот факт, что США и Британия считались главными противниками Советского Союза в противостоянии двух общественных систем, принявшем после Второй мировой форму холодной войны.

Существуют примеры того, как и в условиях давления цензуры литературоведу все-таки удается оценить объект исследования по достоинству. Есть и противоположные примеры, когда идеологические разногласия проникают в работу и нарушают сами основы научного исследования. Обе ситуации мы можем наблюдать в статьях сборника ИМЛИ «Неоавангардистские движения в зарубежной литературе 1950–1960 гг.» (1973) — первого важного и объемного исследования неоавангарда в СССР. С одной стороны, статья Д.Г. Жантиевой «Конкретная поэзия в Англии» [Жантиева 1972] представляет читателю достаточно полное (насколько позволяла ограниченность источников советского литературоведа) описание этого литературного движения. Негативный критический характер статья приобретает только в некоторых оценочных суждениях, эпитетах, при этом феномен конкретной поэзии раскрывается всесторонне, исследуется фонетическая, синтаксическая организация стихотворений. В статье присутствует и идеологический компонент, осуждение «буржуазного искусства», но он оттенен основной исследовательской частью статьи, и создается впечатление настолько глубокого уважения и любви автора к предмету исследования, что трудно поверить в искренность негативной оценки Д.Г. Жантиевой конкретной поэзии.

Прямую противоположность представляет собой статья Л.М. Земляновой о неоавангардистских движениях в США [Землянова 1972]. В ней не только не уделяется внимание движениям, воспринимаемым в наше время как «неоавангардные», но обсуждаются в рамках неоавангарда движения, не имеющие к нему отношения (битники, фольксингеры), да и вообще не имеющие отношения к литературе (например, поп-арт). Неоавангард для автора является синонимом «революционного» в политическом смысле искусства, что противоречит современным определениям неоавангарда как отходящего от идеи связать искусство и политику. Разные критики капитализма записываются автором в «левые», хотя сами они подобных склонностей никогда не высказывали. Наконец, львиная доля текста посвящена

политической ситуации в США, но никак не затрагивает вопросы литературоведения, целые разделы занимают истории студенческих бунтов и социальных протестов, перемежающиеся цитатами из советских вождей. Установка статьи однозначная: «неоавангард», что бы под этим названием ни понималось, — искусство буржуазное, а значит, оторванное от жизни, упадническое, декадентское, созданное, дабы отвлечь жителей капиталистических стран от социальных проблем, либо, наоборот, привлечь к этим проблемам внимание. Естественно, критический отклик на сборник ИМЛИ в советской прессе был позитивным, и научному сообществу был дан недвусмысленный сигнал, как именно следует воспринимать литературный неоавангард [Дорошевич 1973].

После подобного «теплого» приема неоавангардистов неудивительно, что и сама идея новых исследований в этой области не пользовалась особой популярностью. Неоавангардисты практически не были представлены ни в антологиях современной поэзии США, ни в пособиях по изучению американской поэзии. В антологию А. Зверева¹ включены лишь некоторые поэты 30–70-х гг. XX в., оказавшие влияние на школу языкового письма: Эзра Паунд, Эдвард Эстлин Каммингс, битники, а также Роберт Данкен и Дениза Левертов из поэтической группы Блэк Маунтин, но не непосредственно неоавангардисты. В антологии С. Джимбинова из поэтов, оказавших влияние на неоавангард, присутствуют только Эдвард Эстлин Каммингс и Дениза Левертов². Исследователи замечают, что индивидуализм и мироощущение многих американских поэтов того времени вступали в конфликт с ощущением жизни, существовавшим в тогдашней России, но важно упомянуть и то, что на публикации многих поэтов, подписавших письмо 35 литераторов против арестов диссидентов в СССР, опубликованное в *The New York Review of Books* 14 марта 1968 г., было наложено вето — так, не публиковались по-русски А. Гинзберг, Д. Эшбери, Л. Ферлингетти [Нестеров 2007: 261].

Ситуация меняется в 1983 г., когда, участвуя в гастролях своего мужа, джазового музыканта Ларри Окса, в составе группы Rova Saxophone Quartet, впервые посещает СССР поэтесса, представительница школы языкового письма Лин Хеджинян. Организатор концертов

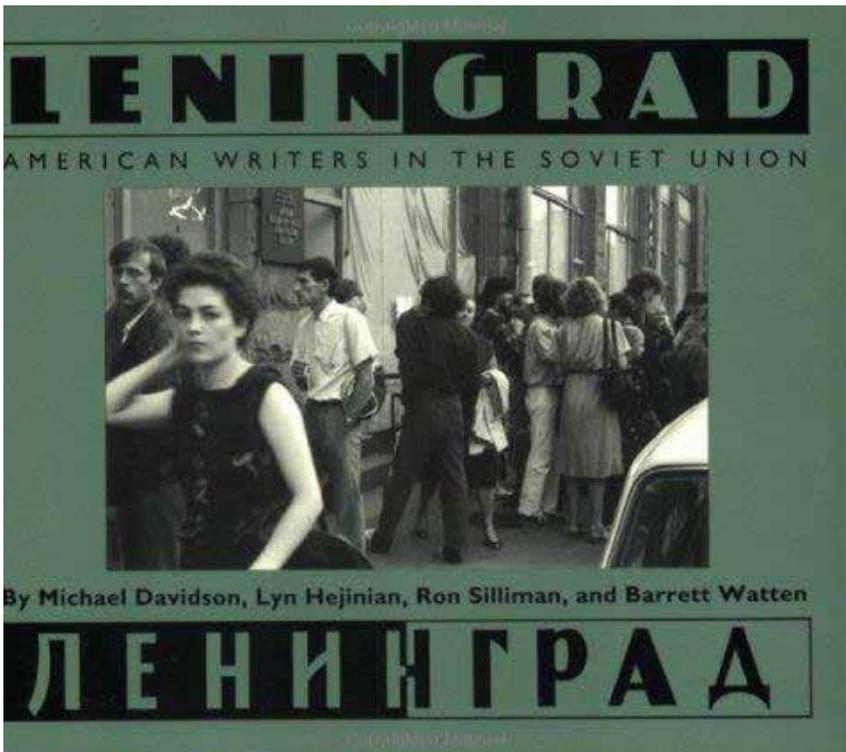
¹ Современная американская поэзия / сост. А. Зверев, И. Левидова. М.: Прогресс, 1975.

² Американская поэзия века в русских переводах / сост. С.Б. Джимбинов. М.: Радуга, 1983.

музыкальный критик Александр Кан знакомит ее с поэтом-метареалистом А.Т. Драгомощенко. Они становятся друзьями и переводят стихотворения друг друга, поддерживают долгую переписку и даже осуществляют проект совместного творчества под названием *The Corresponding Sky* (в результате появились цикл стихов Хеджинян *The Person*, 1986, и книга Драгомощенко «Небо соответствий», 1990). Это было первым примером непосредственного литературного контакта между представителями неоавангардных движений двух стран. Аркадию Драгомощенко посвящена и книга Хеджинян *The Guard* (1984), созданная сразу после возвращения из первой поездки в СССР. Связи между поэтами разветвлялись, Драгомощенко встал в центре целой сети американо-русских поэтических связей. Не случайно, что основой для них были именно языковые поэты и метареалисты — отмечается, что их изначально сблизило сходство их творческих парадигм [Фещенко 2022: 82]. Результатом стало то, что в 1989 г. в Ленинграде прошла конференция «Поэтическая функция» с участием четырех языковых поэтов (Л. Хеджинян, Б. Уоттена, Р. Силлимана, М. Дэвидсона), с одной стороны, и деятелей советской культуры, с другой. Название было выбрано Драгомощенко как отсылка к мысли Р. Якобсона об особой, поэтической функции языка — одной из идей, породивших «лингвистический поворот» в американской поэзии 1970-х. На многих языковых поэтов большое влияние оказали и русские футуристы, особенно В. Хлебников и В. Маяковский, потому они были особенно счастливы увидеть воочию город, в котором зарождался футуризм. Эта поездка в СССР произвела на американцев настолько сильное впечатление, что впоследствии ими была написана книга *Leningrad / American Writers in the Soviet Union* («Ленинград: американские поэты в Советском Союзе», 1991), являющаяся не только описанием проходившей конференции, но и книгой-травелогом, а также, определенно, коллективным неоавангардным произведением искусства.

Книга не придерживается строго линейной пространственно-временной организации, фрагменты сочинений, голоса каждого из четырех поэтов, не только «разбросаны» по книге, но и в каждом из фрагментов поэт не придерживается каких-либо конвенциональных правил составления текста. Книга состоит из вступления и четырех частей; каждая часть состоит из фрагментов, написанных одним из гостей и отмеченных особыми символами, позволяющими установить авторство [Watten 2005]. Просто прочитав ее от начала до конца, мы, конечно, можем прикоснуться к ощущениям американцев, попавших

в антиутопию позднего СССР, но в то же время никак не восстановим полную историю путешествия. Сначала необходимо применить особый ключ, которым помечены отрывки, созданные каждым из четырех авторов, но и этого недостаточно для полного понимания, ведь нам неизвестна последовательность отрывков, да и будь она известна, ситуация бы не прояснилась, так как зафиксированные авторами впечатления в отрывках не всегда расположены в хронологическом порядке. Это вполне укладывается в свободный формат языковой поэзии, одно из положений манифеста которой³ гласит: «Проза не обязательно не является поэзией».

Уместно назвать «Ленинград» «книгой впечатлений», в ней множество фактов, поразивших американских гостей, собраны вместе; не стоит ожидать того, что книга будет полностью посвящена

³ Хеджиян Л. Варварство // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 253–263.

рассуждениям о поэзии или что в ней будет приведена полная хроника проходившей конференции — для авторов эти темы скорее занимают второй план. «Ленинград» лучше назвать коллективным дневником, опубликованным как дань американских поэтов своим русским друзьям, городу-колыбели футуризма и духу поздней перестройки в СССР. Книга полна наблюдений о процессах, происходящих во всех сферах жизни советского общества, о уже набравшем обороты в то время проникновении сквозь «железный занавес» западного образа жизни и западной культуры, о страстном интересе ко всему западному в среде советских интеллектуалов. Одновременно виден и интерес американцев к русской идентичности, к тому, как, по их словам, русские чувствуют себя «единым целым», интерес американских индивидуалистов к русскому коллективизму.

В заметках каждого поэта находится место и для описаний Ленинграда. При всех несуразностях, сопровождавших поездку, при всей неподготовленности города и инфраструктуры к приему гостей, Ленинград оставил в их памяти незабываемые впечатления. Зарисовки городской архитектуры, Невы и Финского залива, небольшие отступления об истории, встречающиеся в «Ленинграде», выдают неподдельный интерес и любовь со стороны авторов к городу, прогулка по которому для поэтов была «прогулкой по модернизму», интригующее ощущение «странности», «сюрреалистичности» его и его обитателей. Нередки в книге и рассуждения о политике, экономике, часто — применительно к вопросам о русской и американской ментальности. Необходимо упомянуть, что языковые поэты не были убежденными сторонниками капитализма, напротив, они пытались изобличить «изнанку» общества потребления, а некоторые из их программных работ публиковались в неомарксистских журналах⁴. В книге поэты отмечают «отсутствие важности» денег для русского человека и цитируют Маркса, писавшего о том, что неправильно ставить обмен в центре славянских сообществ, что в них деньги и обмен, который они определяют, не играли роли, вернее, играли роль лишь в обмене с другими сообществами, но не внутри самих сообществ. Вообще, как американцы заметили, советские люди, хотя и с улыбкой, но все же гордились своей бедностью, видимой абсурдностью своей идеологии и даже тем, что им приходилось ехать на работу в пере-

⁴ Напр.: Silliman, Ron; Harryman, Carla; Hejiniian, Lyn; Benson, Steve; Perelman, Bob; and Barrett Watten. "Aesthetic Tendency and the Politics of Poetry: A Manifesto." *Social Text*, no. 19/20 (Autumn, 1988): 261–275.

полненном транспорте — возможно, это позволяло им почувствовать свою собственную жертву во имя общей идеи. То, что русский человек не был «испорчен» богатством, неоднократно вызывало удивление и одновременно уважение гостей. Показателен и диалог между Майклом Дэвидсоном и переводчицей Катей. Она говорит, что к женщинам в России принято относиться «как к вещам», что «существует официальное женское движение, но все, что этим движением утверждается — так это то, что быть женщиной — хорошо, быть матерью — хорошо, а также то, что все хорошо так, как оно есть». Далее в диалоге Катя продолжает: «Женщинам меньше платят, никто их не уважает, и условия для них ужасные». И все-таки, когда Майкл спрашивает ее, не хотела бы она, в таком случае, чтобы он прислал ей феминистскую литературу, когда вернется в США, она отвечает: «Чего мне действительно хотелось бы, если Вы не возражаете, — так это сборник стихов Джима Моррисона»⁵.

В «Ленинграде» присутствуют упоминания многих известных деятелей культуры той эпохи: Д. Спивака, С. Хренова, Б. Гребенщикова, С. Курехина, А. Липницкого, О. Хрусталевой, В. Иванова, В. Малявина. С большой теплотой американцы вспоминают и поэтов метареалистов, входивших в ближайший круг общения А. Драгомощенко: А. Парщикова, И. Кутика, В. Кривулина, Н. Кондакову, И. Жданова, В. Аристова, О. Седакову, а также концептуалиста Д. Пригова. Многие заметки поэтов пропитаны юмором, снисходительной иронией. Показательна, например, история о том, как Спивак обрезал с подлинника Шагала подпись автора, чтобы уместить картину в рамку меньшего размера — для американца представлялось невероятным, что можно обесценить таким образом произведение искусства. Одно из самых часто встречающихся в заметках американцев русских слов — «ремонт», одновременно, согласно их наблюдениям, и самая часто встречающаяся надпись на улицах Ленинграда 1989 г. Эта надпись, по их словам, украшала бесконечное множество городских строений: Екатерининский дворец, универсальный магазин на Невском проспекте, отель «Астория», улицу Герцена, дом Набокова, здание городской администрации, музей Ленина, коридоры Эрмитажа. Ирония заключалась в том, что не было заметно никаких следов проводящихся работ по «ремонту»; более того, как свидетельствуют

⁵ Davidson, Michael; Hejinian, Lyn; Silliman, Ron; and Barrett Watten. *Leningrad/ American Writers in the Soviet Union*. San-Francisco: Mercury House, 1991: 133.

гости, можно было зайти в работающий ресторан, в котором на местах все сотрудники, и узнать, что он на самом деле закрыт на «ремонт» или в нем попросту нет еды. На вопрос американцев: «Что ремонтируют в музее Ленина?», следовал ответ, что на ремонте, очевидно, сам Ленин. Спустя год поэт Кит Робинсон, посетив Ленинград, показал Лин Хеджинян свои фотографии. Те же таблички «ремонт» красовались на тех же местах. На самом деле, истории о «ремонте» — не просто свидетельство неустроенности, но чрезвычайно символичны для той поездки. Как отмечают американцы, «на ремонте», в неопределенном переустройстве, находилась сама личность, идентичность, разум советского человека⁶. Прежде всего, окончательно исчезал культ личности к вождям, к «законсервированным» свидетельствам революции, таким как крейсер «Аврора» или «поезд, на котором Ленин ехал до Финляндского вокзала», с юмором относились не только гости — и наши соотечественники в то время уже свободно позволяли себе шутить о них, что, определенно, являлось признаком наступления «гласности». Драгомощенко громко зачитывал гостям статью из «Известий» о новом, «окончательном» и «абсолютном» памятнике Советской Армии, готовящемся к постройке, «пока не стало поздно», создававшем, судя по описанию, «сюрреалистичное» впечатление.⁷ Сюрреалистичное впечатление — важный эпитет, который характеризует ощущения гостей, их путешествие в место, в котором, как во сне, сочетается несочетаемое, путешествие одновременно в страну дураков и страну чудес, в конце концов, в антиутопию. Однако необходимо учитывать и то, что гости не имели относительно СССР каких-либо предрассудков, а сама Хеджинян в книге *The Guard* намеренно проводила параллели между СССР и Рейгановской Америкой тех лет. Ошибочным было бы думать, что «Ленинград» содержит исключительно критику советского государства и общественного устройства. Напротив, поэты признавали своеобразие русской культуры, выжившей в условиях всех постигавших наше государство испытаний, а бедность и лишения, с которыми сталкивались наши соотечественники, вызывали у гостей лишь сочувствие. Прямо авторы «Ленинграда» не высказывают эту мысль, но именно она проходит через все эпизоды, включающие межнациональную коммуникацию:

⁶ Davidson, Michael et al. *Leningrad*: 35.

⁷ По-видимому, имеется в виду заметка, напечатанная в газете «Известия» №84 (22622) от 24.03.1989 о готовящейся постройке памятника на Поклонной горе.

жители СССР — неприхотливые и честные, мечтательные и талантливые, и они заслуживают лучшей участи.

Контакты продолжались, и в 1990 г. две группы поэтов — А. Парщиков, А. Драгомощенко, И. Жданов, И. Кутик и Н. Кондакова с российской стороны и М. Палмер, Л. Хеджинян, Дж. Дэй, К. Кулидж и К. Робинсон с американской стороны — задумали совместный проект 5+5. Идея заключалась в том, чтобы составить антологию взаимных переводов этих авторов. Первоначально переводы вышли в шведском журнале *Artes*, но сама антология так и не увидела свет. Выполненные Лин Хеджинян переводы Аркадия Драгомощенко, Алексея Парщикова и других русских поэтов вошли в антологию *The Third Wave: The New Russian Poetry* (1992). В 2011 г. в журнале «Иностранная литература» были опубликованы стихотворения Ч. Бернстина в переводе Яна Пробштейна. В 2021 г. Иван Соколов начал работу над переводом «Ленинграда»⁸. Только в 2022 г. была издана антология новейшей поэзии США «От Черной Горы до Языкового Письма» (ред.-сост. Я. Пробштейн, В. Фещенко). В 2023 г. вышел сборник избранных переводов Л. Хеджинян «Слепки движения» (ред. и сост. В. Фещенко).

Очевидно, что конференция «Поэтическая функция» оказалась судьбоносной для развития русско-американских литературных контактов, особенно в сфере неоавангардной поэзии, а важнейшим документом этой встречи является книга «Ленинград», в наши дни ставшая настоящей редкостью, представляющей интерес для узкого круга коллекционеров и поклонников неоавангарда. Это настолько же книга впечатлений от России, насколько и поэтическое произведение, важнейший документ межкультурных контактов, отправная точка процесса изучения англоязычного неоавангарда в нашей стране, набирающего обороты только в последние годы.

Поскольку процесс рецепции был двунаправленным, не только англоязычная поэзия вызывала интерес у советской стороны, но и советская поэзия ничуть не в меньшей, а может, даже и в большей степени интересовала западного читателя. В формате статьи невозможно уделить внимание всем случаям публикаций советских неоавангардных поэтов на Западе, но мы постарались отметить самые яркие эпизоды взаимной рецепции, случаи первых публикаций поэтов, события, создающие необходимый контекст, в то время как публикаций отдельных

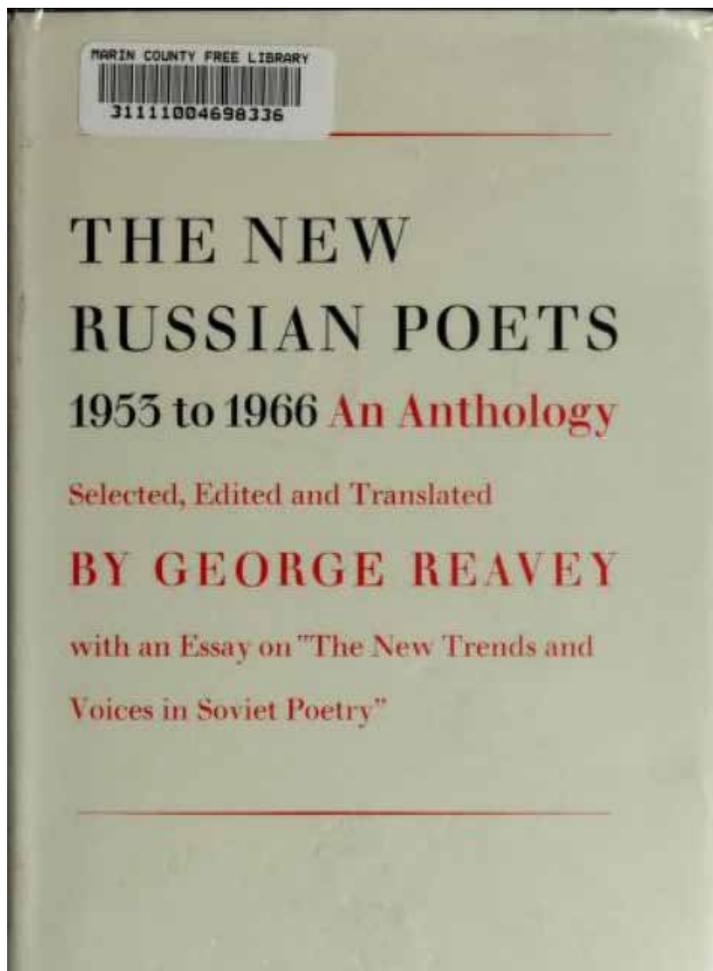
⁸ Майкл Дэвидсон, Лин Хеджинян, Рон Силлиман, Барретт Уоттен. Из книги «Ленинград» // Новое литературное обозрение. 2021. № 2. С. 218–230.

неоавангардистов, например, в двуязычной антологии *Poetry from Russian Underground* (1973), журналах «Мосты», «Грани», альманахе «Мулета» мы не касаемся.

Круг неоавангардных движений в СССР далеко не исчерпывался уже упоминавшимися метареалистами. Помимо них, к неоавангардистам традиционно относят в первую очередь филологическую школу ленинградской неподцензурной поэзии и Лианозовскую группу московских поэтов и художников, группу Черткова, хеленуктов, квалитистов, концептуалистов и трансфутуристов, а также В. Соснору и Г. Айги (В. Лен всего выделил более 50 «неподцензурных» школ русского стиха⁹). Однако в силу напряженных отношений между англоязычными странами и СССР и затрудненности доступа к советским текстам, а тем более текстам, издававшимся самостоятельно (подчас неизвестным и советскому читателю), освещение получили далеко не все из них. На «самиздате» нужно остановиться отдельно: он, как и «тамиздат», служил важным источником в первую очередь для переводчиков: с момента публикации до того момента, когда текст попадал в руки переводчика, могли пройти годы или даже десятилетия; в случае с «тамиздатом» материал также мог долгое время оставаться неизданным, выйти лишь после эмиграции автора или же после посещения переводчиком СССР.

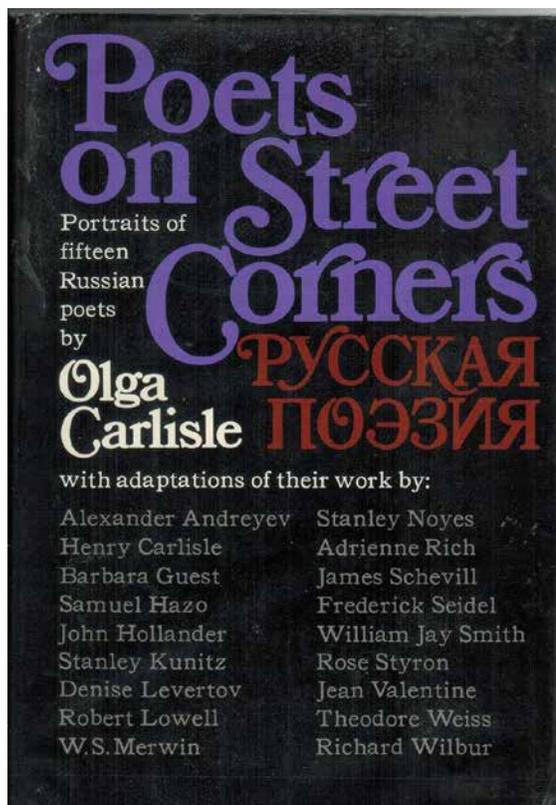
Особенная в этом отношении судьба выпала ирландскому поэту-сюрреалисту, другу и литературному представителю С. Беккета Джорджу Риви (1907–1976). Риви родился в Витебске, еще в царской России, его отец был ирландцем, а мать русской, но, после того как во время революции его отец подвергся преследованиям, они с матерью вынуждены были бежать в Белфаст. В дальнейшем, несмотря на то что большая часть его жизни протекала на Западе, а сам он принадлежал к немногим поэтам, использовавшим гэльский, Риви не порывал и с исследованиями в области русской литературы: так, он был редактором русского отдела *The New Review* и антологии *The European Caravan* (1931), составленной С. Беккетом, а после Второй мировой издал книгу *Soviet Literature To-day* (1946) и преподавал русскую литературу в Нью-Йорке. Именно он выступил составителем двуязычной антологии *The New Russian Poets 1953–1966* (1966), в которой, помимо известных русских поэтов, впервые были напечатаны и совершенно неизвестные западному читателю В. Соснора и Л. Губанов в переводах

⁹ Лен В. Древо русского стиха // Часы. 1987. № 66. С. 104–141.

Риви. Уже в предисловии к антологии заметна компетентность автора в истории русской поэзии: разговор о ней он начинает с золотого века, постепенно переходя к «новой атмосфере» после 1953 г. Видны и его любовь, и привязанность к русскому слову, внимание к деталям в переводах — им переданы тонкие оттенки смысла, достоверно, с учетом особенностей русского языка и мелодики стиха, переведены редкие, просторечные, диалектные и архаические единицы лексики, окказионализмы. Именно через переводы Риви западный читатель смог впервые познакомиться с поэтами, в будущем получившими известность как неоавангардисты.

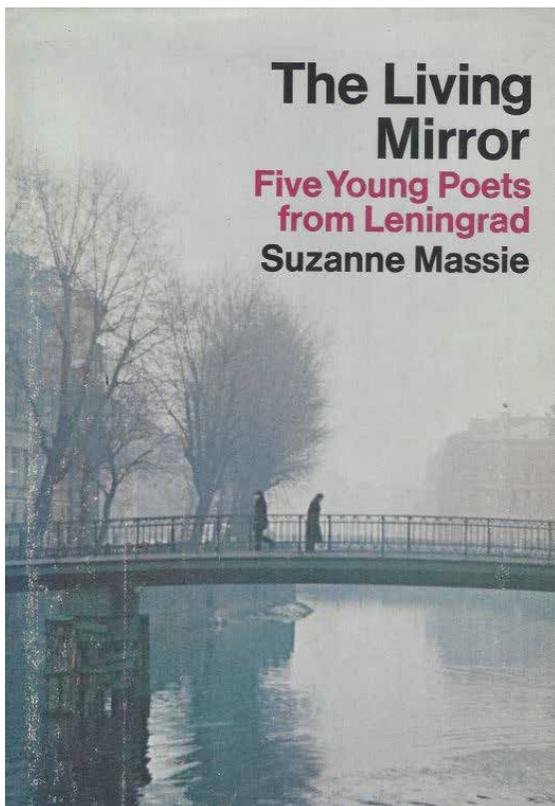
Следующий вклад в распространение советского неоавангарда внесла американская журналистка, переводчица и художница Ольга Андреева-Карлайл (р. 1930). Карлайл происходит из русской семьи с богатыми литературными традициями, она приходится дочерью В.Л. Андрееву, сыну писателя Л.Н. Андреева. Для русских и зарубежных читателей она известна, прежде всего, сотрудничеством с А.И. Солженицыным — именно Ольга Карлайл помогала Солженицыну с переводом и публикацией его романов, а ее отец и брат вывозили рукописи писателя за границу. Однако ее интерес к литературе, особенно русской, этим не ограничивался: она посещала СССР, знакомилась с писателями и поэтами, выпускала переводы, а в 1968 г. опубликовала антологию русской поэзии с переводами на английский *Poets of Street Corners: Portraits of fifteen Russian Poets*, содержащую переводы поэтов XX в. от Блока и Есенина до Бродского, Вознесенского, Евтушенко и других ее современников. Для исследователей неоавангарда прежде всего

представляет интерес раздел «Барачная поэзия», включающий стихотворения И. Холина и Г. Сапгира. В предисловии к разделу Карлайл особо отмечает то, что стихи авторов выходили исключительно в виде «самиздата», подчеркивает и ориентацию поэзии на разговорную речь, городской «ультра-реализм», а также отражение в поэзии беспокойства людей, наблюдающих распад вчерашних ценностей — как христианской морали, так и марксистской

идеологии. Как и Риви, Карлайл указывает на то, что после 1953 г. наступила «новая атмосфера», а грубая экспрессионистская сатира «барачной поэзии» явилась реакцией на атмосферу стесненности и страха, превалировавшую во времена сталинского режима. Она также отмечает, что «поэтам с «барачным» складом ума близки такие западные экспрессионисты, как Кафка и Беккет, хотя творчество последних и не было в полном объеме доступно в СССР»¹⁰. Переводы «барачных поэтов» на английский язык выполнил А.В. Андреев. Как и антология Риви, книга предваряется вступлением, содержащим краткую историю русской поэзии.

В 1972 г. появилась антология *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad*, составленная Сюзанной Масси. С. Масси (р. 1931) — американский исследователь, как и ее первый супруг, Р. Масси (биограф русских императоров и царей, лауреат Пулитцеровской премии), она специализируется на истории России. В СССР она приобрела известность как неформальный посредник между Горбачевым и администрацией Рейгана, содействовавшая мирному пре-

кращению холодной войны, но издание антологии «Живое зеркало» свидетельствует о том, что ее интересы выходили далеко за пределы

¹⁰ Carlisle, Olga. *Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets*. New York: Random House, 1968: 351.

истории и политики. В антологии собраны ленинградские поэты (В. Соснора, Г. Горбовский, А. Кушнер, И. Бродский и К. Кузьминский) и подчеркивается, что Ленинград — не просто место, объединяющее поэтов географически, но город, улицы которого помнят расцвет русской культуры и ее упадок, город, выросший в болотах и пустоте, разрушенный войной и восставший из руин, город, в котором поэзия «витает в воздухе». Масси указывает и на то, что партия в пред- и послевоенные годы боролась с «неудобными» поэтами, чье мнение расходилось с «официальным», но в предшествующее выпуску антологии десятилетие динамика этого процесса начала меняться. Поэты в антологии были выбраны Масси не только потому, что представляют различные поэтические методы и точки зрения, но и потому, что они разделили общую судьбу — в детстве пережили войну и ужас блокады. Масси говорит и о том, что поэты как представители молодой русской интеллигенции отчаянно «искали свои корни». Не являясь близкими друзьями, они в то же время знают друг друга, обмениваются советами и мнениями.

Для исследователей рецепции неоавангарда представляет особый интерес мнение Масси о В. Сосноре и К. Кузьминском. Соснору она называет современным, сложным «городским» поэтом XX в., находящимся в поиске корней современного общества и места человека в нем, а его поэзию — «сюрреалистичной» и «полной символов»¹¹. О К. Кузьминском она отзывается как о лирике и эстетике, поглощенном мыслями о звуке и форме языка, говорит о том, что Кузьминский ищет новый литературный язык и испытал влияние мышления и языковых экспериментов русских футуристов. Раздел, посвященный каждому из поэтов, сопровождается вступлением, содержащим личные впечатления автора от общения с ним, подробности биографии поэта, заметки о его внешности, манере одеваться и эмоциональном складе, и даже о деталях обстановки его дома, а также сведения о его творчестве, опубликованном и неопубликованном. Символично, что сборник озаглавлен так же, как стихотворение Сосноры, — «Живое зеркало», повествующее о поэте, который творит собственную, волшебную реальность вопреки окружающей действительности тоталитарного государства. Более того, эта тоталитарная действительность

¹¹ Massie, Suzanne. *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad*. London: Gollancz, 1972: 55.

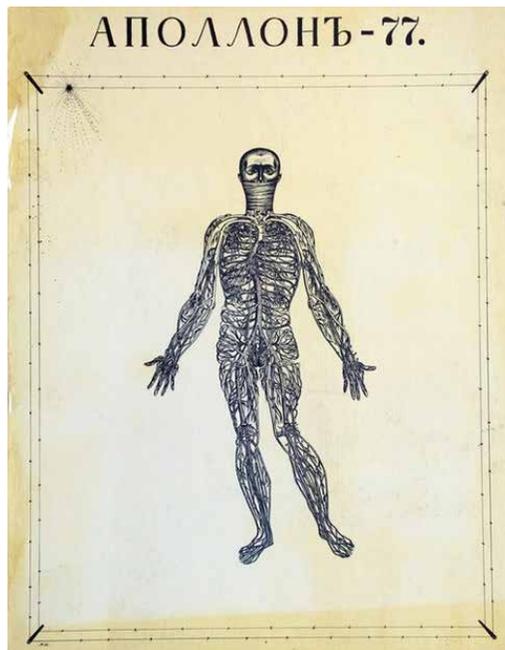
изображается Соснорой как вездесущая, вечная и неизбежная, в конце концов, даже придающая силы:

Я не прощенья прошу,
а, Господи, просто прошу:
пусть все, как есть, и останется:
солнечная современность
тюрем, казарм и больниц.
Если устану
от тюрем, казарм и больниц
в тоталитарном театре абсурда,
если рука сама по себе на меня
поднимет какое орудье освобожденья, —
останови ее, Господи, и опусти.

1974 г. ознаменовался событием, имевшим широкий резонанс и оказавшим непосредственное влияние на развитие неоавангарда в СССР — «бульдозерной выставкой». «Барачные поэты», как известно, считались «малой» частью Лианозовской группы поэтов и художников, а «лианозовцы» были среди участников и организаторов «бульдозерной выставки». Разгон выставки, а также насилие в отношении художников и журналистов (в том числе иностранных) обернулись скандалом и вызвали международное возмущение. Нарушение Хельсинкских соглашений о правах человека дискредитировало советский режим и привело к негодованию и осуждению не только в «буржуазной» печати, но и в дружественных коммунистических партиях. Участники выставки прославились на весь мир, была организована пресс-конференция, на которой организаторы отвечали на вопросы иностранных журналистов. *New York Times* поместила новость о разгроме выставки на первую страницу¹². Властям пришлось пойти на уступки и официально разрешить проведение выставки на открытом воздухе в Измайловском парке. Новая официальная выставка, побив все рекорды посещаемости, привлекла тысячи зрителей, советские граждане оказались открыты экспериментальному искусству и дружелюбно настроены. Чиновник, отвечавший за решение о силовой акции, был уволен, а власть перешла к стратегии подкупа, легализации

¹² Wren, Christopher S. "Russians Disrupt Modern Art Show." *New York Times* (Sept. 16, 1974).

и контроля представителей «неформального» искусства. Несмотря на кажущуюся лояльность властей после сентябрьских выставок 1974 г., уже в конце 1970-х поэт и художник О. Рабин был арестован, отправлен по туристической визе с семьей в Париж и там лишен советского гражданства. Практически всем участникам выставки также пришлось эмигрировать.

Важной вехой в истории рецепции советского неоавангарда можно назвать издание М. Шемякинским в 1977 г. в Париже альманаха «Аполлон-77». Заимствовав название журнала Серебряного века и одновременно отсылая к памятного совместному советско-американскому космическому полету («Союз-Аполлон», 1975), альманах был призван объединить авангардистское изобразительное искусство и литературу своего времени. Несмотря на то что альманах выпущен на русском языке

(переведено на английский и французский было только предисловие), в составлении его, помимо известных советских писателей и поэтов (В. Марамзина, К. Кузьминского, Э. Лимонова и других), участвовали и западные редакторы, в частности, В. Шильтц и профессор Дж. Малмстад. Альманах стал настоящей находкой и открытием для западного читателя — в разделе «поэзия» были опубликованы экспериментальные стихотворения Е. Кропивницкого, Г. Сапгира, Я. Сатурновского, И. Холина, Г. Худякова, С. Красовицкого, Л. Аронзона, В. Кривулина, В. Уфлянда, А. Драгомощенко и многих других поэтов, а также, разумеется, творчество и самих составителей сборника. Произведениям каждого поэта предшествовала краткая биографическая справка, фотография автора, а тексты сопровождалась иллюстрациями. «Аполлон-77» стал знаковым явлением, попыткой сохранить драгоценные

стихотворения, авторы которых подвергались притеснениям со стороны властей (на первых страницах альманаха даже было размещено указание, что произведения авторов, проживающих в Советском Союзе, печатаются без их ведома), и первым масштабным сборником советского неоавангардистского искусства. К сожалению, то, что альманах был выпущен на русском языке, существенно ограничивало как читательскую, так и научно-критическую аудиторию. Однако в эмигрантской среде выпуск альманаха не прошел незамеченным. В частности, известность приобрела открытая полемика между Г.П. Струве и авторами альманаха в журнале «Русская мысль», в которой многие авторы поэтического раздела обвиняются в «графоманстве», а иллюстративная составляющая ставится выше литературной¹³.

Заметным событием следующего, 1978 г. стало издание сборника стихотворений В. Уфлянда, участника «филологической школы» ленинградской поэзии, «Тексты 1955–1977» в американском издательстве «Ардис». Из-за советской цензуры произведения В. Уфлянда распространялись исключительно в самиздате — журналах «Синтаксис», «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал», «Транспонанс». Для Уфлянда, лишь малая часть стихотворений которого была на тот момент опубликована, издание сборника, содержащего почти всю лирику за 22 года поэтического творчества, стало важным шагом к заслуженной известности. Стихотворения, содержащие немалую долю провокационной иронии по отношению не только к официальным ценностям и религии, к политическим «установкам», но и к кумирам, «медийным» личностям своего времени, разумеется, не могли быть выпущены в СССР:

¹³ Струве Г. Еще об «Аполлоне-77»: pro domo mea // Русская мысль. 1977. 4 авг. № 3163.

Выдаст нам Господь путевки и оформит отпуска.
Тишь. Теплынь. Пахнет луком поджаренным.
Это — Рай в представленьи моем. Встретив Кеннеди
с Гагариным, слезами обольем.

О, Русь-страна! Кресты. Костры. Строительства.
Посередине Кремль святой стоит.
А в нем живет Советское Правительство,
Нас одевает, кормит и поит.
От Кремля исходит свечение.
Днем и ночью сияет рубин.
И глядят в немом восхищении
Чех с китайцем, мадьяр и румын.

Отдельно следует отметить участие издательства «Ардис» в распространении русской литературы на Западе. Полная библиография издательства насчитывает более 500 книг и включает в себя многие значимые произведения, вышедшие как в царской России и СССР, так и в эмиграции, а также «потерянную библиотеку» русской литературы, не публиковавшуюся в СССР по цензурным соображениям, в том числе в переводах на английский язык. Основателями «Ардис» с осени 1971 г. стал издаваться и журнал *Russian Literature Triquarterly* («Триквартальник русской литературы»), каждый выпуск которого был посвящен отдельной тематике. Журнал заслужил высокие оценки в рецензиях американских критиков [Wall 1975], хотя и было отмечено, что переведена для англоязычных читателей в журнале лишь малая часть материала. Важно и значение материалов журнала для советских читателей: на него было подписано, как официально, так и тайно, несколько советских библиотек, а содержание новых выпусков перепечатывалось и распространялось как «самиздат».

Самым обсуждаемым эпизодом в истории рецепции советского неоавангарда стал выход первого выпуска *The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry* («Антология новейшей русской поэзии “У Голубой лагуны”», 1980). Особенностью сборника стало то, что ее главным составителем (вторым был Г. Ковалев) выступил не сторонний поэт или литературовед, но непосредственный участник неоавангардного поэтического движения — К. Кузьминский, еще в 1975 г. эмигрировавший в США. Там Кузьминский не только преподавал русскую литературу в Техасском университете, но и основал

**АНТОЛОГИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ
У
ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ**

В N+1 ТОМАХ

**рекламный том,
он же
ЗАЧИН**

**КОНСТАНТИН К. КУЗЬМИНСКИЙ И
ГРИГОРИЙ А. КОВАЛЁВ**

Напечатана под наблюдением
Института Современной Русской Культуры
у Голубой Лагуны, Техас

**СМ.
зачеркнутое**

~~Редколлегия:
Джон Э. Боулт
Сидней Монас
Лев Дившиц
Эдуард Лимонов
Порд Чернан~~

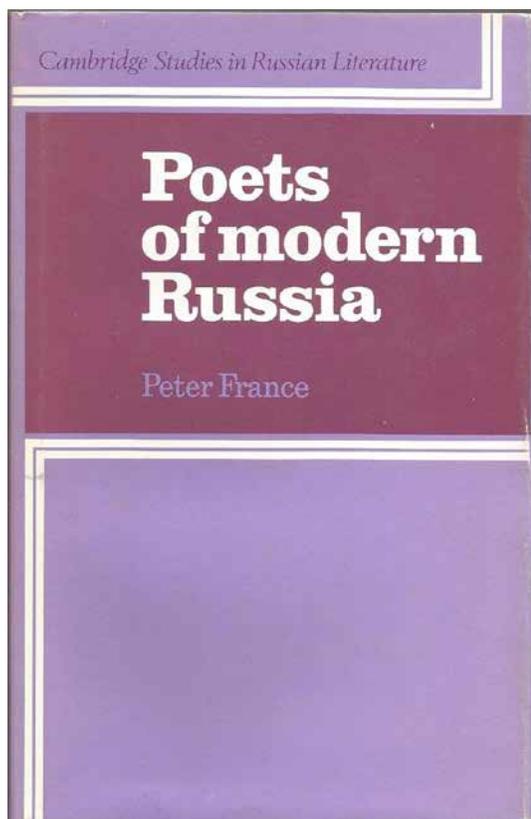
Ориентал Резерч
Партнерз
Ньютонвилл, Мэсс.
1980

совместно с известным славистом Дж. Боултом институт современной русской культуры «У Голубой лагуны». Незадолго до эмиграции Кузьминскому удалось переправить за границу микрофильмы обширного собрания поэтического «самиздата», чем, по словам Боулта в предисловии к первому изданию, он «спас целое поэтическое наследство от забвения и злоупотребления»¹⁴. Стиль антологии сам Кузьминский описывает как «коллаж» (а некоторые исследователи — как «литературный монтаж» [Савицкий 2002: 82], т. е., по сути, сама антология является не только сборником, но самостоятельным неоавангардным произведением, в котором смешаны стихи и письма, анекдоты и сплетни, фотографии и протесты в ЦК КПСС, дневники и подробнейшие анкеты, на которые Кузьминский просил отвечать художников и поэтов, а также эссе и мемуарная проза составителя. Исследователями отмечается неоавангардистская энергия, «антиакадемический, антифилологический пафос, с которым составлен этот грандиозный архив неофициальной культуры» [Савицкий 2002: 116]. За 6 лет объем антологии составил 9 томов по 700–900 страниц, каждая из которых была набрана Кузьминским вручную. Антология включает, пожалуй, самое полное собрание всех «неофициальных» поэтов, как принадле-

¹⁴ Веб-версия антологии: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/prev.htm>

жащих к определенным творческим объединениям, так и выступавших независимо, в том числе тех, о которых практически ничего не было известно — лириков Украины и Кавказа, Прибалтики, Сибири и Средней Азии. Труд авторов вызвал широкую реакцию в англоязычных литературных кругах. Позитивные рецензии, оценивающие как само творчество авторов и охват антологии (превзойти который ни одному изданию не удалось и по сей день), так и работу составителей, антология заслужила от Льва Лосева в газете «Новый Американец», а также от ученых-славистов [см., напр.: Graffy 1982; Lindsey 1982; Janecek 1981; Shuiskii 1981].

Наконец, обзор рецепции советской поэзии был бы неполным без упоминания такого выдающегося переводчика и историка русской литературы, как П. Франс, автор антологии *Poets of Modern Russia* (1982). Издание рассчитано на начальный уровень осведомленности читателя в истории русской литературы, на что указывает как вступительная статья, в которой

рассказывается о русской поэтической традиции (от былин и до настоящего времени), так и список представленных авторов, включающий лишь нескольких наиболее известных поэтов, начиная с Серебряного века. Наибольший интерес для исследователей неоавангарда представляет последний раздел, “Poets of Today”, содержащий, помимо переводов именитых поэтов — Вознесенского и Бродского, переводы стихотворений Г. Айги. Франс отмечает глубоко личный характер поэзии Айги, то, что его стихот-

ворения сильно отличаются от большей части советской поэзии, так как он не затрагивает привычные темы, а также то, что в лирике он отдает дань сюрреалистам и футуристам, а также своим чувашским предкам, подчеркивается и связь между мотивами сновидения, мечты и спокойствия природы. Автор обращает внимание читателя на работу Айги с языком для выражения «прозрения» и эмоций, которые «сопротивляются обычному высказыванию». Антология представляет собой не только сборник стихотворений и переводов, но и содержит комментарии автора относительно каждого из них, подробный литературоведческий анализ обративших на себя внимание Франса особенностей лирики, т. е. приближается по функциональности к учебному пособию. Среди стихотворений Айги, отобранных, переведенных и разобранных Франсом — «Утро в августе», «Утешение: поле», «С утра кусты жасмина», «Лицо: тишина». Книга дополнена также и обширным списком материалов для дальнейшего самостоятельного изучения.

Поэзия Г. Айги привлекла не только П. Франса. Уже после распада СССР, в 1996 г., шотландским поэтом Э. Морганом, участником движения конкретистов, был выпущен сборник его собственных переводов *Collected Translations*, содержащий в том числе более 100 стихотворений русских поэтов от Пушкина до Айги. Достоверно известно, что Морган заинтересовался творчеством советского неоавангардиста еще в конце 1970-х гг. — его первые переводы лирики Айги были напечатаны в журналах *Cencrastus* (1979)¹⁵ и *Scottish Slavonic Review* (1983)¹⁶. Позже, когда Айги впервые смог посетить Великобританию, два поэта встретились на творческом мероприятии в Эдинбурге в 1989 г. Косвенным результатом этого стал выполненный Айги перевод на чувашский язык поэмы Моргана “The Coals” («Угли», 1996), удивившей и шокировавшей читателей прямым упоминанием операции, которую перенесла мать поэта. В обзоре, опубликованном в *Times Literary Supplement* 5 июня 1992 г., Морган пишет, что «Айги заставил русский язык делать то, чего он никогда не делал», и говорит

¹⁵ *Cencrastus* — журнал, издававшийся трижды в год студентами Эдинбургского университета с 1979 по 2006 гг. На данный момент архив журнала еще не прошел веб-индексацию, и узнать, на каких именно страницах выпуска напечатаны переводы, не представляется возможным.

¹⁶ Aygi, Gennady. “Thirteen Poems,” transl. by Edwin Morgan. *Scottish Slavonic Review*, no. 1 (1983): 58.

зачными государствами и СССР. Очевидно, что процесс рецепции был взаимонаправленный, два вектора рецепции были тесно связаны и влияли друг на друга. Важно отметить и то, что после распада СССР советские поэты неожиданно для себя самих стали для западного читателя одними из символов той самой советской культуры, с которой они боролись.

ЛИТЕРАТУРА

Дорошевич 1973 — *Дорошевич А.* «Шоковая терапия» неоавангарда // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 266–271.

Жантиева 1972 — *Жантиева Д.Г.* «Конкретная поэзия» в Англии // Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Худож. лит., 1972. С. 292–329.

Землянова 1972 — *Землянова Л.М.* «Эстетика молчания» и кризис антиискусства в США // Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Худож. лит., 1972. С. 33–157.

Маньковская 2005 — *Маньковская Н.Б.* Хронотипологические этапы развития неклассического эстетического сознания // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 1. С. 68–90.

Нестеров 2007 — *Нестеров А.* Одиссей и сирены: американская поэзия в России второй половины XX века // Иностранная литература. 2007. № 10. С. 252–266.

Павловец 2023 — *Павловец М.Г.* Русскоязычный поэтический неоавангард второй половины XX в.: к вопросу о границах применимости понятия // *Studia litterarum*. 2023. Т. 8, № 2. С. 10–31.

Савицкий 2002 — *Савицкий С.* Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы». М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Фещенко 2022 — *Фещенко В.В.* Лингвоцентричная поэзия в США и в России: траектории взаимодействия // Литература двух Америк. 2022. № 12. С. 66–101.

REFERENCES

Doroshevich 1973 — Doroshevich, A. “‘Shokovaia terapiia’ neoavangarda” [“‘Shock therapy’ of neo-avant-garde”]. *Voprosy literatury*, no. 6 (1973): 266–271. (In Russ.)

Feshchenko 2022 — Feshchenko, Vladimir V. “Lingvotsentrichnaia poeziiia v SShA i v Rossii: traektorii vzaimodeistviia” [“Language-Centered Poetry in the USA and in Russia: Trajectories of Interaction”]. *Literatura dvukh Amerik*, no. 12 (2022): 66–101. (In Russ.)

France 2020 — France, Peter. “Edwin Morgan and Russian Poetry.” *Slavonica* 25, no. 1 (2020): 52–61.

Graffy 1982 — Graffy, Julian. “Review of *The Blue Lagoon Anthology*, vol. 1.” *The Slavonic and East European Review* 60, no. 2 (Apr., 1982): 285–286.

Janecek 1981 — Janecek, Gerald. “Review of *The Blue Lagoon Anthology*, vol. 1.” *The Slavonic and East European Journal* 25, no. 3 (Autumn, 1981): 130–131.

Lindsey 1982 — Lindsey, Byron. “Review of *The Blue Lagoon Anthology*, vol. 1.” *World Literature Today* 56, no. 1 (Winter, 1982): 135.

Man'kovskaia 2005 — Man'kovskaia, Nadezhda B. “Khronotipologicheskie etapy razvitiia neklassicheskogo esteticheskogo soznaniia” [“Chronotypical Stages of Evolution of Non-classical Aesthetical Consciousness”]. *Estetika: Vchera. Segodnia. Vsegda* [Aesthetics: Yesterday. Today. Ever], Issue 1, 68–90. Moscow: IF RAN Publ., 2005. (In Russ.)

Nesterov 2007 — Nesterov, Anton. “Odissei i sireny: amerikanskaia poeziiia v Rossii vtoroi poloviny 20 veka [“Odysseus and sirens: American poetry in Russia in the 2nd half of the 20th century”]. *Inostrannaia literatura*, no. 10 (2007): 252–266. (In Russ.)

Pavlovets 2023 — Pavlovets, Mikhail G. “Russkoiazychnyi poeticheskii neoavangard vtoroi poloviny 20 v.: k voprosu o granitsakh primenimosti poniatiiia” [“Russian Poetic Neo-avant-garde of the Second Half of the 20th Century: On Issue of the Term’s Use Boundaries”]. *Studia Litterarum* 8, no. 2 (2023): 10–31. (In Russ.)

Savitskii 2002 — Savitskii, Stanislav A. *Andegraund. Istoriia i mify leningradskoi neofitsial'noi literatury* [Undeground: History and Myths of Leningrad unofficial literature]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2002. (In Russ.)

Shuiskii 1981 — Shuiskii, Sergei A. “Review of *The Blue Lagoon Anthology*, vol. 1.” *Slavic Review* 40, no. 4 (Winter, 1981): 682–683.

Wall 1975 — Wall, C. Edward. “Russian Literature Triquarterly.” *Serials Review* 1, no. 1–2 (1975): 9–14.

Watten 2015 — Watten, Barrett. “Language Writing’s Concrete Utopia: From Leningrad to Occupy.” In *uTOPIA. The Avant-Garde, Modernism and (Im)possible Life*, edited by D. Ayers, B. Hjartarson, T. Huttunen, H. Veivo, 99–120. Berlin: De Gruyter, 2015.

Zemlianova 1972 — Zemlianova, Liudmila M. “‘Estetika molchaniia’ i krizis antiiskusstva v SShA.” [“‘Aesthetics of Silence’ and the Crisis of Anti-art in USA”]. In *Neoavangardistskie techeniia v zarubezhnoi literature 1950–60 gg.* [Neo-avant-garde Movements of Foreign Literature in 1950–60], 33–157. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. (In Russ.)

Zhantieva 1972 — Zhantieva, Diliara G. “‘Konkretnaia poeziiia’ v Anglii” [“Concrete Poetry in England”]. In *Neoavangardistskie techeniia v zarubezhnoi literature 1950–60 gg.* [Neo-avant-garde Movements of Foreign Literature in 1950–60], 292–329. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. (In Russ.)

© 2024 А.С. Кулагин

Дата поступления в редакцию: 03.06.2024

Дата одобрения рецензентами: 01.10.2024

Дата публикации: 25.12.2024

© 2024 Artem S. Kulagin

Received: 03 Jun. 2024

Approved after reviewing: 01 Oct. 2024

Date of publication: 25 Dec. 2024